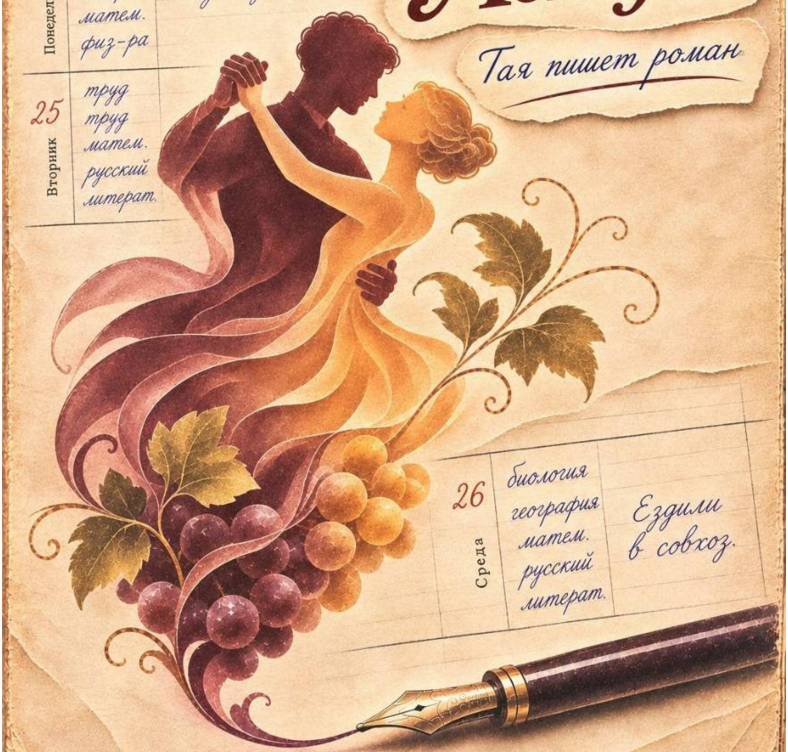
Наталья Герасимова

Виноград. Любовь. Асисяй.

Тая пишет роман

Месяц Сентябрь

Дни и числа	Предметы	Что задано
24 Понедельник	русский литерат. история матем. физ-ра	Наизусть „Капитанскую дочку“
25 Вторник	труд труд матем. русский литерат.	
26 Среда	биология география матем. русский литерат.	Ездили в совхоз.



Наталья Герасимова

Виноград. Любовь. Асисяй. Тая пишет роман

https://litres.ru/75041813
SelfPub; 2026

Аннотация

Случайная встреча в супермаркете осенью 2020 года возвращает Таю в прошлое — к давней, горькой драме 1980-х и страшному семейному мифу о чёрном платке, подаренном на свадьбу. Пытаясь восстановить правду из обрывков ненадёжной памяти, героиня решается взяться за перо и превратить личную историю в книгу.

Пять избранных глав из будущего романа — это путешествие во времени: от заснеженного северного посёлка и виноградников на Дону к школьной дружбе, первым запретным книгам под подушкой, семейному разлому и неожиданной находке в осенней Астрахани. История о том, как прожитая жизнь спустя годы вызревает в художественный текст.

Содержание

Случайная встреча. Из дневника Таи 5
Виноград, любовь, асисяй 9
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Виноград. Любовь. Асисяй. Тая пишет роман

Не грусти, моя девочка. Только когда всё, бывшее сущей правдой, окажется прихотливой выдумкой, долгое молчание потеряет свою глухую силу.

Твой автор

Случайная встреча. Из дневника Таи

Октябрь 20-го

Даже дату ставить не имеет смысла. Дни однообразные. Слушала тело. Оно как будто стало пленом, и мир за его пределами — дыра.

Нет, не ковид. А может, просто в районной поликлинике не хватило тестов, и потому грозный диагноз не поставили? Врач поверила флюорографии и остановилась на воспалении лёгких. От ударной дозы антибиотиков — пятьдесят четыре укола — даже мысли стали примитивными и плоскими.

Где-то внутри пульсировало: «У нас есть тело, но мы не тело, у нас есть разум, но мы не разум». Амбивалентность — моё привычное состояние. Надо выкарабкиваться: не всё же соседям носить мне лекарства и элементарные продукты. Каждый выход из дома на излёте больничного — преодоление себя. А уж к этому мне не привыкать.

В «Магните» встретила маму своей одноклассницы Вики В. — бойкую, невысокую женщину с острым, цепким взглядом. Она первая остановила меня, назвав по имени, у полок с кондитерскими изделиями. Я не видела одноклассницу со времени выпуска, да мы с ней и не были близки, а вот её маму узнала сразу, как будто и не прошло столько лет со школьной

скамьи, только имени не помнила. Мы немного поговорили, я узнала о судьбе Вики в трёх фразах: замужем, сколько-то детей, учительствует — тоже пошла по стопам Алины.

И тут пожилая собеседница воскликнула:

— Как ваш отец с Алиной, а!..

В её словах я услышала не то вопрос, не то восклицание и даже некоторое торжество памяти, словно речь шла не о давней трагедии, случившейся летом после нашего выпуска, а о происшествии двухмесячной давности. Может, она рассчитывала на какие-то подробности, которые тогда могли до неё не дойти? Я же, ошеломлённая, только пробормотала что-то о своём самочувствии. Она, услышав о болезни, строго спросила, почему я без маски, и, не дожидаясь ответа, отошла.

Я купила печенья и конфет — быстрые углеводы, энергии хотелось ужасно — и по дороге домой думала приблизительно так: «Надо же, люди помнят, а я? Побаловалась как-то игрой в писателя и всё? Решила поступить с этой историей, как с девичьим дневником, который случайно оставила на виду: муж открыл, прочитал, и я его забросила, спрятав в недрах стола».

Я засунула в рот конфету и, пока она таяла, занялась нехитрой арифметикой воспоминаний — проверить, остался ли разум хоть какой-нибудь. Трагедия случилась в восемьдесят восьмом — сколько же это лет назад? Через десять лет пришло известие о смерти отца (а что за десятилетие случилось у меня тогда?). Мама пережила его на шестнадцать

лет, и она ушла в день моего рождения. Вспомнила, как тогда спросила старушку из церкви, которая помогала с организацией похорон:

— Значит ли это что-то — совпадение дня рождения и дня смерти?

Она пожала плечами, улыбнулась и сказала, что в этом нет ничего страшного, просто мне нужно помнить. Слова старушки прозвучали неясно и туманно, а теперь вдруг представились почти разгадкой на чужое восклицание о связи Алины и отца. Но только «помнить» для решения уравнения мне не хватало.

Как эту историю можно забыть? У моего отца больше трёх лет длился тайный роман. Мама не выдержала, и родители развелись. Отец встретил другую женщину и через два месяца после развода зарегистрировал новый брак. А потом произошла авария — ехали все вместе по загородной дороге. Дождь, расхлябанные обочины. На мокрой трассе случилась катастрофа и унесла детскую жизнь. И сразу же в семье появился жуткий миф о чёрном платке, якобы подаренном бывшей любовницей на день свадьбы новобрачным со словами «Я вас всё равно разведу». Дикая, до неправдоподобности деталь не давала мне покоя и наводила на мысль, что не обошлось без колдовского ритуала. Есть ли объяснение тому, что здравый смысл отказывается принимать? Неужели так легко решиться на чёрное дело: не просто пожелать зла ближнему, но и воплотить его? Это так следует понимать? И

вот ещё другой мучительный вопрос: как можно такую вещь принять?

Иррациональность, магия, ужас. Не может быть! *Но случилось же.* У кого спросить? Родителей нет... Не у бывшей же классной с мужем?

Дома я могла заняться самой простой работой: ведро собранного ещё до болезни винограда решила превратить в вино, а то внутри уже появились заплесневевшие комочки. Эта монотонная рутина успокаивала — руки знали движение: отделять мелкие ягоды от ломких плодоножек, одну за другой, как вычленять слова из памяти.

Вдруг мысль-молния прошила сознание: я доросла до своих героев. Более того, я их *переросла* — стала старше.

О, как! Я назвала их героями, то есть персонажами? Оговорочка? По Фрейду?

Простые, монотонные действия кончиками пальцев — мелкая моторика прекрасно запускает нужные импульсы, активизирует работу мозга, и вот я уже представляю, какое славное выйдет вино — тёмное, тёплое, с послевкусием прошлого. Голова странным образом оживала: в тихом, почти церемониальном действе было что-то от исцеления, как будто воспоминания и фантазии медленно, как будущее сусло, бродили и превращались во что-то иное.

Виноград, любовь, асисяй

Почему-то мой дневник за 4-й класс начинается с понедельника 14 сентября. Наш второй месяц на новом месте после переезда с Севера. Две недели в школе, а дневника нет. Время тотального дефицита. Школьные базары прошли в августе, а кто поздно кинулся, тот опоздал. Дневник появился после начала учебного года, но записывать задним числом прошедшие недели не имело смысла.

В сентябре мы учились мало. Какие-то учебные дни, конечно, у нас были, потому что на иностранный в качестве задания записано: «платье, шапку, галстук, мяч». Это, наверное, на карточках сделать рисунки, подписать слова, догадываюсь я. В понедельник стоит «5» по рисованию, есть оценка в среду за диктант по русскому и в четверг по литературе — проходили загадки. Литературу, пришедшую на смену предмету начальной школы — чтению, я полюбила сразу, полистав учебник. Тексты в нём были длиннее, разделы — интереснее. Учительница Алина Сергеевна, она же и классная руководительница, увлекательно рассказывала, да и задания мне нравились. Даже вспомнила, как выписала из толстой книжки по заданию пять загадок и сочинила одну свою. Ого, труд у нас два раза в неделю, замечаю я особенности в расписании всей недели: верхние пятничные строки в дневнике зеркалят два первых спаренных урока во вторник. В пятницу

будут спрашивать о питательной ценности яиц. А вот был ли учебный день — не вспомнить, оценок нет. Переворачиваю страницу — расписание заполнено на неделю, но крупными аккуратными буквами с понедельника по пятницу выведено: «ездили в совхоз». Красной пастой учительским почерком расставлены даты и подведён итог недели: «Работала в совхозе отлично». Заверено подписью Алины Сергеевны. Почему-то вспоминается, что она попросила запись о поездке в совхоз не делать, а в качестве задания записывать, например, слово «повторить» что-нибудь или просто переписывать задание, которое было дано на предыдущем уроке. Больше у меня в дневниках о работе в совхозе ни слова, хотя каждый сентябрь, а то и в октябре нас возили на уборку винограда.

Это потом прочитаю о рабском труде школьников в СССР, но тогда объявление о предстоящей работе на уборке винограда воспринялось с ликованием. Ну какой школьник не мечтает об узаконенной отмене уроков: учебный год идёт — уроки нет. Про поездки в совхоз ребята моего нового класса знали от старших братьев и сестёр, соседей, да от кого угодно — они были местными и ждали объявления о начале работ в совхозе: виноград собирать — значит, они уже не малышня из началки. Я же не забыла об отмене занятий по погодным условиям на Севере — актировках. В Васильевске погода тоже вмешивалась, но наоборот: в погожие дни нас как раз и отправляли в совхоз, а «в дождь — в школу!». И на Севере, и на Юге школьниками мы «заказывали» нужную

погоду (написать бы «молились» на неё, да атеизм был махровым): там ждали актировок — здесь работы в совхозе на уборке винограда.

Мне как будто открылась альтернативная реальность — это после-то ещё не забытых сугробов. В школьный двор приезжали грузовики с брезентовыми кузовами: откидывался борт, какие-то ступеньки, кажется, съёмные конструкции, ряд деревянных лавок — весь класс помещался. И вот машина с Комсомольской улицы поворачивает направо, огибает дорожное кольцо, и по грунтовой дороге мы трясёмся вдоль виноградных полей. Они долго тянутся, наконец машина сворачивает налево и там плутает по виноградным кварталам. Настоящий лабиринт. Привезут, высадят, и ладно, если там уже работают другие, а когда высадят класс первым, то делается как-то не по себе. Пока машина петляла, окончательно терялось представление, в какой стороне город: кроме виноградных рядов направо, налево, прямо — ничего. Выскочит откуда-то деловая бригадирша в унылого цвета спецовке и сапогах (земля-то рыхлая), и только светлый платок её освежает. Но и то голова будто спеленатая: концы платка, перекрученные под подбородком, завязаны позади шеи. Поведёт бригадирша куда-то в сторону — мол, чуть-чуть водитель промахнулся, — и ты окончательно дезориентируешься в пространстве. Налипнет на сапоги, ботинки, галоши земля, и думаешь: куда попали?

Сбор винограда искупал чувство потерянности: за порос-

лью листьев — заросли ягод, янтарною или синею стеною (не разобрать, где искать плодоножку) или отдельными крупными тугими кистями, словно выросшими для натюрморта. Я быстро привыкла к картинной красоте и работала как все. Выдадут секатор, похожий на загнутый скальпель, подцепишь кисть и чиркнешь по ветке: тугая гроздь в руке, бросаешь её в оцинкованное ведро. Виноградный азарт увлекал. Раздвинешь листья и прикидываешь: на одном месте сразу ведро наберётся или же складывать по кисти? Передвигаешься по пролёту с ведром — оно вроде тяжелеет, но никак не наполняется. Учителя ходят учётчиками, записывают количество вёдер, принесённых и опрокинутых в контейнер. Не закроешь хорошо края — могут два ведра засчитать за одно (с них тоже требовали норму), поэтому приходилось работать на совесть.

С новым классом у меня как-то поначалу не сложилось. В классе были свои стайки, пары и позади три года учёбы вместе — у меня же закадычная подружка и компания остались на Севере. Я тосковала. Это выражалось в противопоставлении жизни «здесь» и «там». Мне всё было не так: отсутствие городских автобусов, двухэтажная школа в старом дореволюционной постройки здании вместо четырёхэтажной современной громадины, где я училась в 3-м классе, большое количество бабушек в соседях со странными вопросами вроде «ихде ты идёшь?». Я, когда впервые услышала этот вопрос, с трудом догадалась, что это местное «ихде» обознача-

ло «куда?», а я-то начала лепетать: «По дороге», а хотелось передразнить: «Ихде это я оказалась?»

Однажды после совхоза я увязалась за девчонками, когда те свернули во двор детского сада покачаться на качелях. Нам не нужно было спешить по домам и думать о предстоящих уроках, потому что завтра снова в совхоз. Дождя с ясным небом мы не ждали и потому щедро тратили погожее время — залезли в зелёную деревянную бадью покачаться. Раскачать скрипучую колымагу было нелегко. Я вспомнила качели в северном дворе: полусферу с металлическим каркасом, приходившую в движение, как только ты в неё забирался, и, посмотрев на молодые невысокие тополя за оградой сада, зачем-то продекламировала любимый мамин стишок:

— Талнах! Ах! У нас растут
20-метровые даурские лиственницы,
они растут только на Талнахе,
они растут только для Талнаха!

И вообще, у нас мамонта замороженного нашли и мультик про маму для мамонтёнка создали после этой находки, — закончила я своё хвастовство, чтобы новые одноклассницы оценили, из какой прославленной и загадочной земли я приехала.

В деревянной зелёной бадье я и получила по полной: девчонки посмотрели на меня как на набитую дуру, а потом дружно рассмеялись, приставили к имени «-нах»: «тай-нах, тай-нах», заголосили это слово на разные лады, оставили то-

нуть в захлестнувшей обиде и разбежались. Откуда же мне было знать тогда, что всяк кулик своё место хвалит и в чужом городе свой не славит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.